

**ОСОБЕННОСТИ ЧТЕНИЯ КУРСА
“НОВЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА СТРАН ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА”
 (“НОВЫЙ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ РОМАН”)**

Присоединение к Болонскому процессу является сегодня одним из приоритетных направлений развития украинского образования.

Программным требованием этого движения образовательных национальных систем европейских стран является выработка единых критериев и стандартов в европейском пространстве, цель которых заключается в значительном повышении конкурентоспособности европейского высшего образования и науки в мировом пространстве [2]. При этом важно отметить (об этом свидетельствуют документы подготовительного этапа Болонского процесса и Болонская декларация), что университетам и другим высшим учебным заведениям предоставляется в известной степени академическая самостоятельность в решении насущных проблем современного образования. Академическая свобода и автономия в свою очередь повышают ответственность преподавательского коллектива перед обществом за качество образования и подготовки научных кадров, обуславливают постоянное стремление к прогрессу знаний [6].

Факультет РГФ Одесского национального университета готовит специалистов-филологов, знатоков национального (английский, французский, немецкий, испанский) языка и литературы. В связи с этим коллектив кафедры зарубежной литературы осуществляет чтение курса зарубежной литературы с учётом языковой специфики отделения. Об этом свидетельствуют рабочие и модульные программы чтения литературы, а также методическое пособие “Списки художних текств з курсу “Зарубіжна література” для студентів факультету романо-германської філології”, подготовленное преподавателями кафедры. Списки художественных текстов составлены таким образом, чтобы студенты могли получить представление об общих закономерностях литературного процесса и о его своеобразии в странах, язык которых они изучают. С установкой на специализацию разрабатываются темы курсовых, бакалаврских и дипломных работ. Особое положение сложилось с изучением зарубежной литературы, точнее испанской литературы на испанском отделении факультета.

Если соотноситься с критериями изучения зарубежной литературы в наивысших эстетических проявлениях и опираться при этом на экспертные оценки, которые существуют в научных трудах, критических статьях, справочниках и многочисленных учебниках по зарубежной литературе, то испанистика явно уступает объёмному исследовательскому и учебному материалу по английской, немецкой и французской литературам. Если допустить, что испанская литература не может претендовать на академическое издание её истории (были осуществлены академические издания только истории английской, французской и немецкой литературы), то трудно согласиться с её отсутствием в учебниках, которые ограничиваются лишь испанской литературой средневековья, Возрождения и XVII в. Такому положению дел способствовали многие объективные факторы как идеологического порядка в советский период, так и некоторая предвзятость литературоведения в оценке значимости литературных явлений в Испании. Положение существенно изменилось в отечественной испанистике в целом после падения в 1975 году режима Франко, особенно активизировалась литературоведческая мысль в отношении к испанской литературе в условиях постсоветского пространства. Следует отметить появление академического девятитомного издания «История всемирной литературы», где испанская литература в лице «литераторов первого ряда» заняла своё заслуженное место. В учебнике «Зарубежная литература XX века» (2000) достойное место занял великий испанский поэт XX века Ф. Гарсиа Лорка [4: 149–168]. И всё же если взять качественный показатель в подготовке филолога-испаниста, то представление о художественной литературе на испанском языке окажется значительно суженным без знания испаноязычной литературы Латинской Америки.

Как мы отметили выше, учебная программа учитывает изучение зарубежной литературы в эстетически значимых проявлениях. Новый Свет представлен в ней литературой США. Правда, новейший учебник по XX веку включил целый раздел, посвящённый новому латиноамериканскому роману [4: 518–554]. В программе зарубежной литературы XX века появилось имя Г. Гарсиа Маркеса. Задачи качества образования, полноты, прогресса знаний студента позволили нам на отделении испанской филологии расширить понятие «испанская литература», заменив его понятием «испаноязычная литература». С этой целью несколько лет тому назад на IV курсе испанского отделения был введён курс «Новый латиноамериканский

роман”. Эта потребность возникла давно, как говорится, инициатива шла не только сверху (кафедра), но и снизу, от самих студентов. Их интерес к латиноамериканской литературе подтверждают темы дипломных работ прошлых лет, а также тематика курсовых работ.

Осуществление этой программы ставит ряд вопросов как историко-литературного, так и методического плана. Литературный процесс в Латинской Америке — это довольно длительная страница её истории. С Колумба, с конца XV века, началось физическое завоевание Испанской Америки, и почти сразу за ним последовало духовное и культурное её завоевание. Литература Латинской Америки во всём разделяет судьбу создавших её народов, которые долгое время оставались в стороне от столбовой дороги исторического развития. Лишь в XX в., когда народы Латинской Америки вышли на авансцену всемирной истории, рождённая ими литература вызвала горячий интерес людей мира. Речь прежде всего идёт о самой универсальной и ёмкой жанровой форме — о романе, о “Новом латиноамериканском романе”, который утверждается на континенте во второй половине XX в. и, по единодушному признанию, утверждается не только как самобытный, латиноамериканский, но и как общезначимый эстетический феномен, обладающий универсальной ценностью. Важным фактором выхода латиноамериканского романа на мировую арену стал подъём латиноамериканского художественно-идеологического сознания, которое наиболее полно отразилось в романе. М. М. Бахтин говорил, что европейский роман утверждается тогда, когда “для художественно-идеологического сознания время и мир впервые становятся историческими... как непрерывное движение в реальное будущее, как единый всеохватывающий и незавершённый процесс” [1: 473].

В XIX в. латиноамериканская проза ориентировалась на европейскую прозу, воспринимала окружающий мир с позиций европейского цивилизованного сознания. Вплоть до середины XX в. самобытных эстетически зрелых романских форм не было. Только к середине XX в. в сознании молодых латиноамериканских наций время и мир становятся историческими. Роман этого времени переживает свой подлинный Ренессанс, находя опору в фольклоре. В этом заключается парадоксальность литературы Латинской Америки, которая начала своё существование вдалеке от фольклора (ориентация на Европу), а достигает зрелости, когда обращается к нему. Собственно в этом за-

ключается суть обоснования выбора темы введенного курса для студентов испанского отделения.

Методически верно начинать чтение курса с уяснения процесса формирования идеи национальной самобытности. Подъём национального и латиноамериканского (общность исторической судьбы народов континента) самосознания, ощущение своей самобытности обусловлены национально-освободительным движением (начало XIX в.). В процессе формирования латиноамериканского самосознания сталкивались противоречивые идеи, порой прямо полярные, нередко принимавшие крайние, рецидивные формы (тотальный антииспанизм, варваризм как основа континентальной самобытности и т. д.). Если говорить об идеях национального своеобразия, исторической общности судьбы народов континента, о значении культурного и литературного наследия Испании, об оптимистической вере в мощный творческий потенциал молодых народов континента, способный вывести их на арену мировой истории, то прозвучат имена многих деятелей культуры. Здесь особо нужно акцентировать внимание студентов на фактах культурного и испаноязычного литературного единства. Им из курса испанской литературы XX в. хорошо известна роль, которую сыграл никарагуанский поэт Р. Дарио в формировании литературы модернизма в Испании. Именно Дарио вопреки тотальному антииспанизму видел языковое и духовное единство с испанской и даже шире — с романской культурой.

До рубежа XIX–XX вв. проблема латиноамериканской самобытности была проблемой внутриамериканской. Европа, даже в лице передовых деятелей культуры, занимала в целом скептическую позицию по отношению к “варварской” культуре континента. И всё же прорыв в “европоцентристской” позиции к Латинской Америке был сделан, и сделан испанцами. Здесь звучат известные студентам имена значимых деятелей испанской культуры и литературы XX в. — М. де Унамуно и Ортеги-и-Гассета, которых студенты теперь могут открыть для себя с новой стороны. Всё это свидетельствует о процессе взаимообогащения испаноязычных культур и литератур.

Осмысливая новый латиноамериканский роман, необходимо выявить его основополагающие тенденции, которые помогут понять значение каждого романиста, каждой творческой индивидуальности.

Широкий диапазон творческих поисков, художественных решений и открытий связан с именами романистов — гватемальца Анхеля Астуриаса, кубинца Алехо Карпентьера, мексиканцев Хуана Рульфо

и Карлоса Фуэнтеса, парагвайца Аугусто Роа Бастоса, аргентинца Хулио Кортасара и колумбийца Габриэля Гарсиа Маркеса. Эстетическое новаторство “нового латиноамериканского романа” проявилось в том, что его создатели обратились к мифологическому мышлению, донесенному коренными народами континента до наших дней. Чудесную реальность Латинской Америки в этих романах Карпентьер назвал “магическим реализмом”. Первыми к “чудесной реальности” обратились Астуриас (“Сеньор Президент”) и Карпентьер (“Царство земное”). Эти романы свидетельствуют о страстном желании их авторов возродить первичный народный язык, в котором народнопоэтическое видение мира стало основным критерием отражения и оценки жестокой действительности.

Следует отметить, что эти романы, объединённые общим термином “латиноамериканский роман-миф”, являют собою не конгломерат однородных по своему характеру явлений, а совокупность произведений разнонаправленных, по-разному ориентированных на миф. С разной степенью интенсивности осваивая мифологические компоненты и структуры в соответствии с художественно-идеологической позицией писателя, латиноамериканский роман-миф встаёт перед нами в неповторимом богатстве и разнообразии жанровых форм.

Конечно, роман-миф открыли не латиноамериканцы. У него была давняя европейская традиция. Но он вдруг открылся у латиноамериканцев с новой, неожиданной стороны, зазвучал свежо и оригинально. Отметим, что в освоении мифа европейские и латиноамериканские романисты шли разными путями. Европейский писатель никогда не работал с первичным натуральным мифом. Миф, с которым он имел дело, это плод поздних литературных обработок и реконструкций. Латиноамериканский писатель, как и латиноамериканский народ, носитель мифологического сознания, сталкивается, по сути, с живым мифом постоянно. Вот почему в латиноамериканском романе-мифе слияние современного и синкретического мировосприятия более органично, чем в европейском. Опыт мировой романистики в жанре романа-мифа позволяет определить два его типа: европейский, которому присуща тенденция историзации мифа, и латиноамериканский, основанный на мифологизации истории.

Начиная с романа Астуриаса “Сеньор Президент”, прочно утверждается в новом романе тема диктатуры: “Превратности метода” Карпентьера, “Я, Верховный!” Роа Бастоса, “Осень патриарха” Гар-

сия Маркеса. Эта тема станет сквозной темой латиноамериканского романа, хотя начало этой теме положил испанский романист Р. дель Валье-Инклан (“Тиран Бандерас”), известный студентам по курсу испанской литературы XX в. В решении этой темы обнаруживают себя разные подходы. Карпентьер обращается к традиции испанской пикарески, строит свой роман вне мифологии. Роа Бастос в отличие от других романистов этой темы создаёт в своём романе не обобщённый образ диктатора, а обращается к конкретной исторической личности — парагвайскому диктатору Франсии.

В 1970-е годы художественные возможности мифологического подхода к действительности подвергаются критической переоценке. Более критической оценке подвергается социальная функция мифа. Пошатнулась вера в его мобилизующую, действенную силу. Ранее он был могучим источником традиций освободительной борьбы. Новое время потребовало не революционизировать мифы, а воспитывать и развивать свободное революционно-критическое сознание.

Если в 1960-е годы в романах о диктатуре (Астуарис, Карпентьер) исследовались социально-исторические основы диктатуры, то в 1970-е годы Роа Бастоса, Гарсиа Маркеса интересуют социально-психологические предпосылки этого явления. Добираясь до потаённого двигателя феномена диктатуры, Гарсиа Маркес и Роа Бастос обнаруживают присущую мифологическому сознанию потребность творить кумиров. Роа Бастос решительно восстал против мифологизации Отца Нации, в атмосфере которой полтора столетия живёт Парагвай. Автор прямо обращается к читателю с предупреждением (апокалиптическое облако в виде гриба) о катастрофических последствиях безмерной власти диктатора, которому целая нация, в слепой вере, предоставила право думать и решать за неё. Роман Гарсиа Маркеса — это мучительный суд, который творит народ над своим кумиром. Но это ещё и самосуд, развенчание мифа, созданного им самим.

Таким образом, хотя “индейская мера” (мифологическое сознание) оценки реальности, открытая Астуриасом и Карпентьером, позволила исследовать ранее неизвестные сферы народной жизни, она в последующем показывала, что не может стать универсальной и всеобъемлющей. Многие объекты национальной жизни, расширенные до общеконтинентальных и мировых масштабов, как в романе Гарсиа Маркеса “Сто лет одиночества”, безусловно, не могли быть осмыслены и воплощены посредством категорий мифологического мышления.

Студентов следует подвести к пониманию того, что понятие “новый латиноамериканский роман” не исчерпывается романом-мифом, мифологическое мировосприятие не является единственной формообразующей силой — “оно взаимодействует с современным социально-критическим сознанием, причём характер взаимодействия усложняется в процессе творческой эволюции каждого писателя” [5; 6].

Если мексиканец Рульфо максимально приближен к мифологическому сознанию, то мексиканца Карлоса Фуэнтеса называют разрушителем мифов. В сознании Фуэнтеса прочно укоренилась мысль об отрицательной роли, которую играла мифология на разных этапах становления мексиканской нации (роман “Смерть Артемио Круса”).

У латиноамериканских писателей был свой путь к человеку, своё открытие личности. В 1940–1950-е годы внимание сосредоточивалось на человеке — жестоком властелине, хозяине жизни. В 1960–1970-е годы исследование индивидуальности продолжалось. В центре внимания оказывается личность, утратившая связь с обществом или прямо себя ему противопоставившая. Личность глубоко рефлектирующая в ипостаси “лишнего человека”, эпатирующая современное общество, стала героем аргентинского романиста Хулио Кортасара. Роман “Игра в классики” — лучшее и известное его произведение — содержит двойной вызов: нравственным устоям общества и традиционной литературной форме. “Прямая атака на язык”, по признанию самого Кортасара, экспериментаторство в романной форме роднит его с “метрами” модернизма Д. Джойсом, Т. С. Элиотом, испанским романистом М. де Унамуно.

Эпохальной значимостью, многоплановостью проблематики отмечен роман Гарсиа Маркеса “Сто лет одиночества” (1967) — грандиозная трагедия истории Латинской Америки и мировой истории. Смеховое мировосприятие, неприятие авторитарных, застывших форм мышления, присущие Гарсиа Маркесу, являются организующим началом романа, позволяющим писателю “бесстрашно исследовать действительность, пересоздавая в пародийном ключе громадный материал — исторический, политический, фольклорно-мифологический, литературный, психологический, автобиографический” [5: 355–356]. Роман “Сто лет одиночества” наиболее глубоко отражает процесс развития романа XX в.: с одной стороны, восхождение на высокий уровень сознания, а с другой — движение к его истокам, проникновение в глубины чувственного мифологического

мышления. Смелым синтезом духовного верха и чувственного низа поражает эта удивительная книга. Исследуя насилие и как следствие его одиночество, Гарсия Маркес выводит эту проблему за пределы лишь латиноамериканской проблематики, делает эту проблему животрепещущей, современной, общечеловеческой. Он призывает мир задуматься над пагубными последствиями людского отчуждения. Эта мысль глобально отражает противоречивое время, незавершённое настоящее XX в.

С позиций своей латиноамериканской сущности увидеть свою родину, глазами родины увидеть весь мир, совместить в этой точке зрения все эпохи, которые сосуществуют одновременно в жизни континента, оживить память разных рас и народов, которую хранит континент, связать историческую перспективу развития Латинской Америки с историей человечества — такое постижение латиноамериканской действительности Роа Бастос назвал “космовидением”.

Задача курса помочь студенту почувствовать художественный космос нового латиноамериканского романа, его широту и необъятность, в котором совмещаются коллективное мировосприятие и чувство одиночества, мифомышление и высокая интеллектуальность, безвыходное отчаяние и исторический оптимизм.

Литература

1. Бахтин М. *Вопросы литературы и эстетики*. — М.: Художественная литература, 1975. — 502 с.
2. *Болонський процес: тенденції, проблеми, перспективи*. — К.: НПУ імені М. П. Драгоманова, 2004. — 221 с.
3. *Вища освіта України і Болонський процес. Навчальна програма*. — К.; Тернопіль: Вид-во ТДПУ ім. В. Гнатюка, 2004. — 18 с.
4. *Зарубежная литература XX века*. — М.: Высшая школа, 2000. — 560 с.
5. Кутейщикова В., Осоват Л. *Новый латиноамериканский роман*. — М.: Советский писатель, 1983. — 424 с.
6. Степко М. Ф., Клименко Б. В., Товажнянський Л. Л. *Болонський процес і навчання впродовж життя: Монографія*. — Харків: НТУ “ХПИ”, 2004. — 112 с.